

ОЛЬГА КУЛАГИНА

Московский педагогический государственный университет, Институт иностранных языков

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ
«ВЗРОСЛЫЕ – ДЕТИ»
В ТВОРЧЕСТВЕ ЖАКА ПРЕВЕРА**

Linguistic representation of the opposition «adults – children» in Jacques Prévert's poetry

This paper deals with linguistic representation of relationship between adults and children in Jacques Prévert's oeuvre. The texts under analysis are poems from seven collections published at different periods. Various ways of transmitting the conflict between childhood and maturity, which is also the one between youth and old age, are examined in the paper.

Keywords: Jacques Prévert, children, adults, youth, old age, linguistic representation

В поэзии Жака Превера взаимоотношения взрослых и детей занимают особенное место, являясь одной из центральных тем творчества поэта. В своей статье мы постараемся проанализировать те или иные стороны этих, как правило, непростых взаимоотношений, а также выделим основные языковые средства, используемые автором для репрезентации взаимодействия между миром взрослых и миром детей. Для анализа мы выбрали тексты, опубликованные в сборниках *Choses et autres (Всякая всячина)*, *Grand Bal du Printemps (Большой весенний бал)*, *Histoires et d'autres histoires (Истории и ещё истории)*, *La pluie et le beau temps (Дождь и вёдро)*, *Paroles (Слова)*, *Soleil de nuit (Ночное солнце)* и *Spectacle (Спектакль)*.

Прежде всего, подчеркнём, что детские персонажи у Превера зачастую обладают сверхъестественными способностями, недоступными для взрослых. В качестве подтверждения этой мысли приведём фрагмент стихотворения *Dimanche (Воскресенье)*:

Et la statue m'embrasse mais personne ne nous voit
Sauf un enfant aveugle qui nous montre du doigt. (Prévert 2011, 211)
И статуя целует меня, но никто нас не видит,
Кроме какого-то слепого ребёнка, который показывает на нас пальцем¹.

В этом примере мы можем наблюдать подобие двойственного оксюморона: с одной стороны, слепой ребёнок видит то, что скрыто от зрячих взрослых, т.е. речь идёт об оксюморе фактическом; с другой – эффект парадокса создаётся за счёт употребления глагола *montrer* – *показывать*, семантика которого предполагает наличие у адресата зрения (Le Trésor de la langue française informatisé: atilf.atilf.fr/tlf.htm). Именно зрения (хотя и внутреннего) в данном контексте оказываются лишены все вокруг, кроме объективно слепого ребёнка. Ещё одна иллюстрация необычных способностей, которыми могут быть наделены дети, содержится в стихотворении *Arbres (Деревья)*:

Quand un enfant de femme et d'homme
adresse la parole à un arbre
l'arbre répond
l'enfant l'entend
Plus tard l'enfant
parle arboriculture
avec ses maîtres et ses parents
il n'entend plus la voix des arbres
il n'entend plus leur chanson dans le vent (Prévert 2012, 206-207)

Когда дитя женщины и мужчины
обращается к дереву
дерево отвечает
и дитя его слышит
Потом это дитя
рассуждает о древоводстве
со своими учителями и родителями
Оно больше не слышит голоса деревьев
Оно больше не слышит их пения на ветру

По Преверу, способностью говорить с деревьями и слышать их обладает каждый ребёнок, о чём свидетельствует употребление неопределённого артикля *un enfant* (букв. *любой ребёнок*), создающее эффект обобщения. Причём с возрастом дети теряют эту способность,

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – О. К.

что показано посредством анафорического повтора *il n'entend plus* – оно (дитя) больше не слышит, а также через употребление лексемы *arboriculture* – *древоводство*, близкой по своему функционалу к терминологии и относящейся в первую очередь к словарному запасу взрослых.

Характерно, что взрослые в стихотворениях Превера осознают «инаковость» детей и пытаются с ней бороться. Победителя в этом поединке, как правило, нет. Часто детству и юности (которые у Превера часто синонимичны) удаётся противостоять давлению, которое на них оказывают взрослые и старики. Для иллюстрации этой идеи приведём примеры из стихотворений *Mai 68* (*Май 68-го*, пример 1) и *Le cancre* (*Двоечник*, пример 2):

1) Et si la jeunesse ouvre la bouche
par la force des choses
par les forces de l'ordre
on la lui fait fermer
On ferme!
Mais la jeunesse à terre
Matraquée piétinée
gazée et aveuglée
se relève pour forcer les grandes portes ouvertes
les portes d'un passé mensonger
périmé
On ouvre!
On ouvre sur la vie
la solidarité
et sur la liberté de la lucidité. (Prévert 2011, 213-214)

А если юность открывает рот
то силой обстоятельств
силами порядка
его ей затыкают
Закрьюто!
Но поверженная юность
избитая дубинками, растоптанная,
отравленная газом, ослеплённая
встаёт, чтобы выломать открытые настежь двери
двери прошлого, лживого
и устаревшего
Открыто!
Открыт путь к жизни

к солидарности
и к свободе здравого смысла.

2) ...et malgré les menaces du maître
sous les huées des enfants prodiges
avec des craies de toutes les couleurs
sur le tableau noir du malheur
il dessine le visage du bonheur (Prévert 2011, 68)

...и, несмотря на угрозы учителя,
под улюлюканье вундеркиндов
разноцветными мелками
на чёрной доске несчастья
он рисует лицо счастья

В первом примере обращает на себя повторяющаяся антитеза *ouvrir – fermer* (открывать – закрывать), причём первое действие ассоциируется с юностью, а второе – с отжившим своё прошлым, т.е. со старостью. Весь пример представляет собой развёрнутую персонафикацию, которая, в свою очередь, является аллюзией на массовые протесты, происходившие во Франции в 1968 г. и в результате которых французское общество претерпело коренные изменения. Серия метафорических эпитетов *matraquée piétinée gazée et aveuglée* (избитая дубинками, растоптанная, отравленная газом и ослеплённая) демонстрирует всю силу давления консервативной старости на жаждущую свободы молодость. При этом сама старость оказывается крайне уязвимой и побороть её не так уж и сложно, о чём свидетельствует оксюморон *forcer les grandes portes ouvertes – выломать открытые настежь двери*.

Второй пример менее детально демонстрирует враждебность зрелости и старости по отношению к детству и молодости: это отношение выражено лишь посредством употребления негативно окрашенной лексемы *menaces – угрозы*. Однако, герой стихотворения (двоечник) противопоставляется другим детям – вундеркиндам, которые принимают сторону учителя и таким образом оказываются в «лагере» взрослых. Антитеза *le tableau noir du malheur* (чёрная доска несчастья) и *il dessine le visage du bonheur* (он рисует лицо счастья) может служить также очередной иллюстрацией сверхспособностей детей, недоступных пониманию взрослых.

Тем не менее, в стихотворениях Превера показаны и обратные ситуации, когда детство и юность оказываются бессильны перед грозными противниками в лице взрослых и стариков. Показательным примером поражения, которое детство терпит от мира взрослых, может служить пример из стихотворения *La méningerie* (*Мозголомка*):

Dressage,
Dompteurs
de coeurs
et de cerveaux
pollueurs
de la plus belle eau
du plus bel âge,
ils font sauter dans leurs cerceaux
les enfants sauvages (Prévert 2007, 265)

Дрессировка
Укротители
сердец
и мозгов
загрязнители
самой чистой воды
и самого прекрасного возраста
они заставляют прыгать через обручи
диких детей.

Приведённый пример представляет собой развёрнутую метафору, где взрослые предстают в роли безжалостных дрессировщиков детских умов. Мелиоративные гиперболы *la plus belle eau* – *самая чистая вода* и *le plus bel âge* – *самый прекрасный возраст* противопоставлены метафоре с выраженной отрицательной коннотацией – *pollueurs* (*загрязнители*). Отметим, что эпитет *sauvage* – *дикий* в данном случае обладает положительной окраской: дикий ребёнок у Превера – это отнюдь не варвар, вызывающий возмущение своей невоспитанностью, а символ самобытности и свободы от предрассудков. Эту же мысль демонстрирует пример из стихотворения *Silence de vie* (*Живое молчание*), где так называемый «дикий ребёнок» может слышать голос самой жизни (ещё один сверхъестественный дар, которым наделены дети у Превера) и где эту способность у него стремятся отнять, чтобы научить его некоему «правильному» языку:

Depuis longtemps déjà
et même en se taisant
la vie chante avec moi
quelque chose de beau
Je n'entends pas votre langage
Je refuse un autre cerveau
dit l'enfant
L'enfant sauvage. (Prévert 2007, 267)

Уже давно
даже когда она молчит
жизнь напевает со мной вместе
что-то прекрасное
Я не понимаю вашего языка
Мне не нужен другой мозг
говорит ребёнок
Дикий ребёнок.

Взрослые в текстах Превера могут также ассоциироваться со смертью, причём смертью самого детского состояния. Приведём пример из стихотворения *L'enfance (Детство)*:

Et les vieillards couleur de suie
S'installent avec leurs vieilles balances
Quand la terre s'arrête de tourner
Quand l'herbe refuse de pousser
C'est qu'un vieillard a éternué
Tout ce qui sort de la bouche des vieillards
Ce n'est que mauvaises mouches vieux corbillards
Oh comme elle est triste l'enfance
Nous étouffons dans le brouillard
Dans le brouillard des vieux vieillards

Et quand ils retombent en enfance
C'est sur l'enfance qu'ils retombent
Et comme l'enfance est sans défense
C'est toujours l'enfance qui succombe... (Prévert 2012, 48-49)

И вот почерневшие, как свечной жир, старики
Уже пристраиваются со своими старыми весами
Если земля перестала вращаться
Если трава отказывается расти
Значит, это чихнул старик

Изо рта у стариков вылетают
Лишь злобные мухи, старые катафалки
О, как печально детство
Мы задыхаемся в тумане
В тумане старых стариков

А когда они впадают в детство,
То падают прямо на детство
А, поскольку детство беззащитно,
Именно оно всегда погибает.

В данном примере обращает на себя обширное лексико-семантическое поле «смерть»: *corbillards* – катафалки, *étouffer* – задыхаться, *succomber* – погибать. Подчеркнём также многочисленные повторы лексем *vieux* – старьёй и *vieillard* – старик, которые в одном случае даже образуют плеоназм – *vieux vieillards*. Помимо этого, мы можем наблюдать своего рода выпрямление метафоры «впасть в детство» (*retomber en enfance*), которую, посредством замены лишь одного предлога (*retomber sur l'enfance*), автор превращает в репрезентацию физического насилия. Всё вышеперечисленное показывает парадоксальность ситуации, когда древние старцы по сути оказываются более крепкими и жизнеспособными, чем дети, у которых они отнимают жизненную силу, превращая их уже в раннем возрасте в немощных стариков.

Характерно, что, пытаясь искоренить в детях детство, взрослые у Превера склонны тосковать по этому периоду своей жизни. Эта тоска может проявляться и репрезентироваться различными способами. Во-первых, речь может идти о грубой имитации детского поведения, как в стихотворении *Les enfants qui s'aiment* (Дети, которые любят друг друга):

Les enfants qui s'aiment s'embrassent debout
Contre les portes de la nuit
Et les passants qui passent les désignent du doigt... (Prévert 2000, 176)

Дети, которые любят друг друга, целуются
Стоя у врат ночи
А прохожие, которые проходят мимо, показывают на них пальцем...

Мы видим, что дети противопоставлены прохожим, среди которых априори фигурируют только взрослые. Вторичность последних

подчёркивается не только упоминанием типично детского жеста – указывания пальцем, о котором уже шла речь выше, – но и синтаксическим параллелизмом, в случае со взрослыми плеонастическим: *les enfants qui s'aiment* (дети, которые любят друг друга) – *les passants qui passent* (прохожие, которые проходят мимо). Взрослые словно пытаются догнать детей, которые оказываются выше их и которым доступны миры, закрытые для всех прочих. Эта мысль подтверждается гиперболической метафорой:

Les enfants qui s'aiment ne sont là pour personne
Ils sont ailleurs bien plus loin que la nuit
Bien plus haut que le jour
Dans l'éblouissante clarté de leur premier amour (Prévert 2000, 176)

Дети, которые любят друг друга, не здесь и ни с кем
Они гораздо дальше, чем ночь
Гораздо выше, чем день
В ослепительном сиянии своей первой любви.

Во-вторых, ностальгия взрослых по детству может быть репрезентирована как желание во что бы то ни стало, какими бы ни были жизненные обстоятельства, сохранить детское безрассудство и оптимизм. Именно такое отношение зрелости к юности показано в стихотворении *Émigrants de l'enfance* (Эмигранты из детства):

Ils gardaient le sourire leur bien le plus précieux
comme on garde en souvenir le désir d'être heureux
Dans les mauvais tournants du labeur acharné
les chevaux fous de la jeunesse
ne les avaient jamais laissés tomber
À leur crinière de bois ils s'étaient cramponnés
en écoutant chanter joyeuses et éraillées
leurs grandes vieilles orgues de carton perforé. (Prévert 2011: 124-125)

Они хранили улыбку, своё самое главное сокровище
как хранят в памяти желание быть счастливым
В тяжёлые минуты жестокого труда
неистовые кони юности
ни разу их не сбросили
Они крепко держались за деревянные гривы
слушая радостное надтреснутое пение
больших старых органов из дырявого картона

На первый взгляд, патетическая метафора *les chevaux fous de la jeunesse* (неустовые кони юности), с трудом сочетается с эпитетом *crinière de bois* (деревянная грива), однако именно игрушечная деревянная лошадка становится у Превера символом и хранителем ушедшего детства, которое герои стихотворения отказываются отпускать. Примечательно, что эпитет *vieux – старые* в данном случае обладает положительной окраской, указывая на предметы, неразрывно связанные с детскими годами и от этого особенно ценные. Это один из редких случаев в поэзии Превера, когда детство и старость гармонично сочетаются и одно оказывается немыслимо без другого: антитеза «юность – старость» и «дети – взрослые» предстаёт в данном примере как единство двух сторон одной медали, что отражает всю суть антитегических отношений.

Подводя итог, отметим, что в творчестве Превера выражен конфликт между молодостью и старостью, немаловажной разновидностью которого является противостояние взрослых и детей. Как правило, взрослые и старики стремятся подавить и подчинить себе детство и молодость, и итог этого поединка никогда не бывает предрешён: молодость может как выйти победительницей, так и оказаться поверженной и даже погибнуть. При этом дети репрезентируются как создания, наделённые различными сверхъестественными возможностями, что вызывает зависть взрослых и желание эти необычные способности искоренить. Сами же взрослые втайне желают вернуться в столь остро воспринимаемое ими детство, и это желание может приобретать как агрессивные формы, так и перерастать в постоянное ощущение себя беззаботным ребёнком, каким бы трудным ни был жизненный путь. Различные стороны взаимоотношений между взрослыми и детьми показаны за счёт антитез (порой множественных), гиперболических метафор, в том числе развёрнутых, плеоназмов и оксюморонов, а также отдельных случаев синтаксического параллелизма, призванных показать превосходство детей над их оппонентами.

ЛИТЕРАТУРА:

- Prévert Jacques: *Choses et autres*. Paris 2011.
Prévert Jacques: *Histoires et d'autres histoires*. Paris 2012.
Prévert Jacques: *Grand Bal du Printemps*. Paris 2011.
Prévert Jacques: *La pluie et le beau temps*. Paris 2011.

Prévert Jacques: *Paroles*. Paris 2011.

Prévert Jacques: *Soleil de nuit*. Paris 2007.

Prévert Jacques: *Spectacle*. Paris 2000.

Le Trésor de la Langue Française informatisé, sous la dir. de J.-M. Pierrel.

Nancy-Université, URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm, [свободный].